

Л. Н. Аряев
Независимый исследователь, Германия. l.aryayev@yandex.ru
ORCID 0000-0002-8394-5856

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ «ИОАКИМОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ»

В «Иоакимовской летописи» имеются фрагменты, позволяющие с высокой вероятностью считать ее произведением В. Н. Татищева: 1) нарочитая неосведомленность В. Н. Татищева об Анастасиевой (Фракийской) стене; 2) локализация хазар между Дунаем и Днепром; 3) название «горяне» по отношению к полянам.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, «Иоакимовская летопись», «История Российская»

«История Иоакима» («Иоакимовская летопись»), изложенная В. Н. Татищевым в 4-й главе 1-й части его «Истории Российской» [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 132–148], издавна была предметом споров и противоречивых оценок. М. Н. Шербатов и А. Л. Шлецер категорически отказывали ей в достоверности, Н. М. Карамзин писал о «летописи Иоакима» как о «шутке» В. Н. Татищева [Шербатов, с. 11–27; Schlözer, S. 13, 301; Карамзин, с. XV]. С. М. Соловьев находил «остроумной и вероятной» версию о религиозной подоплеке борьбы Ярополка и Владимира Святославичей, представленную в «Истории Иоакима» [Соловьев, с. 166]. Е. Е. Голубинский настаивал, что «История Иоакима» является фальсификатом В. Н. Татищева [Голубинский]. Академик А. А. Шахматов находил в рассказе о крещении Новгорода «черты, избличающие современника» и включал «Иоакимовскую летопись» в свою реконструкцию раннего русского летописания [Шахматов, с. 183]. М. Горлин считал ее автором архимандрита Мельхиседека (Борщова) [Gorlin]. С. К. Шамбинаго рассматривал «Иоакимовскую летопись» как вариацию фантастических рассказов о начале Руси, популярных в XVII столетии, записанную, возможно, под редакцией новгородского митрополита (позднее московского патриарха) Иоакима [Шамбинаго, с. 269]. Согласно академику М. Н. Тихомирову, В. Н. Татищев предоставил правдивые сведения об «Иоакимовской летописи», которая, однако же, относится к памятникам позднего летописания конца XVII в. И потому не может служить источником сведений о Древней Руси [Тихомиров, с. 79–82]. В. М. Моргайло в своей статье показала значительную переработку В. Н. Татищевым первоначального текста главы об «Истории Иоакима», в том числе позднейшее внесение им известия о поджоге Добрыней Новгорода на полях рукописи [Моргайло]. Однако академик В. Л. Янин интерпретировал археологические данные о пожаре в Новгороде в 989 г. как подтверждение того, что «Иоакимовская летопись» опирается на какую-то достаточно устойчивую древнюю традицию [Янин, с. 56].

В начале текущего столетия скептическую позицию в отношении «Истории Иоакима» поддержал А. П. Толочко, настаивавший на авторстве В. Н. Татищева [Толочко, с. 196–245]. Его работа вызвала резкий отзыв С. Н. Азбелева, считавшего «Иоакимовскую летопись» отражением не дошедшего до нас древнейшего памятника новгородского летописания [Азбелев]. М. Б. Свердлов в своей обстоятельной работе о В. Н. Татищеве пришел к выводу, что «История Иоакима» была написана современником В. Н. Татищева, близким к нему по научным взглядам, интересам и кругу чтения, но не им самим [Свердлов, с. 76–93]. А. В. Горовенко посчитал методологически некорректной апелляцию к археологическим данным о пожаре в Новгороде в 989 г. для подтверждения отдельных фрагментов «Истории Иоакима», поскольку при таком

подходе игнорируются бесспорные текстологические выводы о подложности этого источника [Горюнов].

В свете вышеизложенного представляется крайне важным решение вопроса о том, имеются в тексте «Истории Иоакима» указания, позволяющие исключить авторство В. Н. Татищева или, наоборот, недвусмысленно его авторство подтверждающие. Если автором «Истории Иоакима» является сам В. Н. Татищев, это делает излишними дальнейшие попытки увязать ее с аутентичными памятниками русского летописания или отыскать для нее некую «древнюю», «фольклорную» основу.

М. Б. Свердлов полагал, что фигурирующее в «Истории Иоакима» имя «Буриной» свидетельствует против авторства В. Н. Татищева, поскольку восходит к Хронике Козьмы Пращского, с которой В. Н. Татищев знаком не был [Свердлов, с. 82]. Однако, как справедливо заметил А. С. Лавров, имя «Боринной» читается в хорошо известном В. Н. Татищеву труде Мавро Орбини; в целом, А. С. Лавров поддержал «скептическую» точку зрения относительно авторства «Истории Иоакима» [Lavrov]. В монографии М. Б. Свердлова имеется важное указание на связь упоминаемой в «Истории Иоакима» жены Рюрика Ефанды с ошибочным чтением В. Н. Татищевым имени «Сфандр» из русско-византийского договора 944 г. [Свердлов, с. 85], что уже позволяет предположить какую-то причастность В. Н. Татищева к составлению «Иоакимовской летописи». Однако же в «Истории Иоакима» можно найти еще более четкие указания на авторство В. Н. Татищева.

Согласно сообщению «Иоакима», в ходе войны с греками Святослав погубил свое войско «у стены долгие». Комментируя это место, В. Н. Татищев написал: «какая сия стена и где, я описания не нахожу» [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 137]. А. П. Толочко посчитал эту фразу уловкой со стороны В. Н. Татищева, изображающего непонимание текста для того, чтобы отвести подозрения в фальсификации: «длинные» или «долгие» стены у Константинополя хорошо известны, о них упоминалось у Прокопия Кесарийского, Иоанна Малалы и Феофана Исповедника, труды которых были знакомы В. Н. Татищеву [Толочко, с. 221]. Однако С. В. Конча оспорил такую трактовку: по его мнению, речь на самом деле идет о римских укреплениях на Дунае, в том числе у крепости Доростол, возобновленных в эпоху Первого Болгарского царства. Поскольку об этих укреплениях В. Н. Татищев знать не мог (они были описаны археологами только в прошлом столетии), его недоумение вполне искренне и надежно свидетельствует против его авторства [Конча, с. 164].

Гипотеза С. В. Кончи, однако же, опровергается самим В. Н. Татищевым, который снабдил известие о «долгой стене» маргиналией «стена фракиская». Это вполне согласуется с основным текстом «Истории Российской», во второй редакции которой (Воронцовском списке) В. Н. Татищев написал, что Святослав разорял греческие города «по всей Фракии» [Татищев 2016–2018, т. 2, с. 61, 359]. Определение «фракийская» никак нельзя отнести к стене, расположенной на Дунае: несомненно, это Анастасиева или «фракийская» стена [Crow, Ricci, p. 235], возведенная в Восточной Фракии в V–VI вв.

Конечно, нужно принимать во внимание, что В. Н. Татищев порой употреблял название «Фракия» в широком значении, включая в него всю территорию между Босфором и Дунаем вплоть до впадения в Дунай реки Савы. В этом случае «Фракией» он мог бы назвать и дунайское правобережье. И действительно, в татищевских текстах можно встретить упоминание о Дунае как о границе между Фракией и Скифией, о тождественности мезов и фракийцев, о Болгарии, Сербии и Валахии как составных частях древней Фракии [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 178, 193, 215]. Однако же когда В. Н. Татищев заводит речь о средневековом Первом Болгарском царстве, он последовательно отделяет Болгарию от Фракии. Так, в описании войны болгар с ви-

зантийцами в 915 г. в «Истории Российской» значит: «В сии же времена прииде Симион болгарский, плсняя Фракию» [Татищев 2016–2018, т. 2, с. 45]. Если болгарский царь приходит и пленяет Фракию, то, очевидно, Болгария и Фракия были для В. Н. Татищева разными локациями. Рассказывая о южных славянах, В. Н. Татищев, со ссылкой на Птолемея, различает Верхнюю Мезию (Сербию или «Сервию»), Нижнюю Мезию (Болгарию или «Булгарию») и Фракию, которая «ныне... есть Романия», то есть Румелия; Фракию от Нижней Мезии отделяет «гора Ем, или Гем», то есть Балканский хребет [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 440]. Наконец, описывая (по Г.-З. Байеру) город Доростол, В. Н. Татищев определяет его как «Мизии Нижней город при Дунаи» [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 255]. Следовательно, если бы под «долгой стеной» он понимал возобновленные болгарами римские укрепления у Доростола, то, скорее всего, назвал бы их «болгарскими» или «мисийскими», но никак не «фракийскими».

В другой раз фракийская стена появляется у В. Н. Татищева в примечаниях ко второй части второй редакции «Истории Российской», где историограф называет ее строителями греков. Это служит дополнительным подтверждением, что под «стеною долгой» В. Н. Татищев подразумевал византийские Длинные стены у Константинополя, а не древнеримские валы у Дуная. При этом В. Н. Татищев дает ссылку на 4-ю главу своего труда, то есть на «Историю Иоакима» [Татищев 2016–2018, т. 2, с. 324–325]. В «Истории Иоакима», однако же, нет информации о том, кто и когда строил Длинные стены. Сведения об этом В. Н. Татищев должен был получить из других источников.

Вопреки мнению А. П. Толочко, знакомство В. Н. Татищева с византийскими авторами – Прокопием Кесарийским, Иоанном Малалой, Феофаном Исповедником – было крайне слабым. Греческим и латынью историограф не владел, книг византийских писателей (ни оригиналов, ни переводов) в посмертной описи его библиотеки не значит [Пекарский, с. 56–63], в сохранившейся татищевской переписке нет запросов на перевод или приобретение византийской литературы. Иоанн Малала в татищевском труде не упоминается вообще. На Феофана Исповедника В. Н. Татищев ссылается всего один раз, при этом пересказывая его известия по сочинению Константина Багрянородного в изложении Г.-З. Байера [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 334, 237–269]. Более многочисленны в «Истории Российской» ссылки на Феофана Византийца, но и они приводятся по татищевским переводам работ Г.-З. Байера (главы «Из Константина Порфирогенита», «Из книг северных писателей»). Более обстоятельным выглядит знакомство В. Н. Татищева с Прокопием Кесарийским: историограф приводит две выдержки из его «Войны с готами» и даже ссылается на его III книгу, в конце которой упоминаются «Длинные стены» у Константинополя [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 410]. Однако страницы при этом В. Н. Татищев не указывает, и тому есть причина. Если обратиться к «Хронике Польской» Мартина Кромера, то выяснится, что татищевские выписки из «Войны с готами» представляют собой буквальный перевод цитат, приводимых польским писателем [Kromer, s. 17]. Цитируя Прокопия Кесарийского, М. Кромер не указывал номера страниц, потому их нет и в татищевском тексте.

Очевидно, с византийскими писателями В. Н. Татищев был знаком лишь по пересказам из вторых рук. В то же время он обстоятельно знал (в переводе) труды польских компиляторов XVI в., и потому источник его сведений о Длинных стенах нужно искать именно у них. М. Бельский рассказывает, что для защиты от болгар кесарю Анастасию пришлось возвести «*dlugi mur*» [Bielski, s. 12]. О строительстве Длинной стены от Силиврии до Черного моря императором Анастасием сказано также у М. Кромера [Kromer, s. 31]. М. Стрыйковский повторяет это свидетельство и уверяет, что лично видел остатки этих укреплений во время сво-

их визитов в Силиврию; также он сообщает, что император строил эту стену в течение 26 лет и что после окончания работ императора убила молния [Strujkowski, s. 98–99].

Можно, конечно, высказать догадку, что в «Истории Иоакима» речь шла все-таки о Доростоле и римских валах и что В. Н. Татищев неверно интерпретировал свой источник. Однако и в этом случае осталось бы необъяснимым, почему он, опознав (пусть даже ошибочно) Долгие стены, счел необходимым скрывать свою осведомленность. Примечательно, что в первоначальном варианте 4-й главы, отраженном в Академическом списке, фраза «какая сия стена и где, я описания не нахожу» отсутствует и появляется в хронологически более позднем Воронцовском списке. Выглядит так, будто В. Н. Татищев сначала знал, о какой стене идет речь, а спустя некоторое время забыл, чего, конечно, быть не могло. Вероятнее, что он решил вставить ремарку о своей неосведомленности касательно стены, чтобы сымитировать непонимание текста и тем самым повысить к нему доверие, но при этом забыл (или не успел) зачеркнуть маргиналию «стена фракиская», что привело к явному противоречию: В. Н. Татищев одновременно и знает, и не знает, что речь идет о Длинных стенах под Константинополем.

В любом случае, В. Н. Татищеву было известно о том, «какая эта стена и где», и потому его показное неведение выглядит неискренним. А для неискренности даже теоретически тяжело подыскать какую-либо другую рациональную причину, кроме желания скрыть свое авторство.

В «Истории Иоакима» имеется еще один фрагмент, явно указывающий на ее автора: «По смерти Ольги Святослав пребываше в Переяславцы на Дунае, воюя на казари, болгары и греки» [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 137]. Война с греками и болгарамы вопросов не вызывает, но каким же образом Святослав, сидя на Дунае, мог воевать с хазарами? Итиль отделяется от Переяславца более чем тысячей километров, причерноморские степи находятся под контролем печенегов, решающая битва Святослава с «князем их Каганом» имела место еще до смерти Ольги, так что новый конфликт Святослава с хазарами не вписывается в реальную историю ни хронологически, ни географически. Однако недоумение рассеется, если принять во внимание то, как В. Н. Татищев представлял себе историю и географию хазар.

По мнению историографа, хазары имели города по Днепру, Бугу и Днестру и владели Киевом до прихода Олега: «Оной их от власти отрешил, а Святослав I, все их грады по Богу и Днестру разоря, до Дуная обладал»; «оныя [козары] обитали по Днепру, Бугу, Ингулам...» [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 435]. Важно учесть, что никакой другой историк, кроме В. Н. Татищева, не помещал хазар на Днепре, Дунае и Южном Буге. Единственный источник, к которому могла восходить такая локализация, – Степенная книга, в которой хазары отождествлялись с болгарамы, селились, соответственно, по Дунаю и говорили на одном с русскими языке [ПСРЛ, с. 63]. Ф. И. Страленберг в своем труде 1730 г. почти буквально перевел известие Степенной книги о хазарах-болгарах, но внес небольшое дополнение: помимо Дуная хазары теперь поселились и на Днепре [Strahlenberg, S. 271–272].

В. Н. Татищев в своих замечаниях на книгу Ф. И. Страленберга согласился с тождественностью болгар с хазарами, но, в свою очередь, внес поправку – у него список болгаро-хазарских рек пополняется Днестром [Татищев 2016–2018, т. 7, с. 515]. Произошло это вследствие путаницы: «соединив» болгар с хазарами, В. Н. Татищев посчитал Белую Вежу болгарским городом и к тому же смешал ее с Белгородом-Днестровским [Татищев 2016–2018, т. 7, с. 524]. Впоследствии он изменил свое мнение: Белая Вежа была соотнесена с Белобережьем из договора Игоря с греками 944 г., вследствие чего переместилась на Днепр и была идентифицирована с Ольвией [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 266]. Отказался В. Н. Татищев и от тождества болгар с хазарами, хотя и продолжал считать их родственными народами; скорее всего, он следовал за

М. Стрыйковским, который, сперва заявив о своей неосведомленности о происхождении хазар, все же определил их как «людей русского народа», то есть славян, и при этом не смешивал с болгарями [Strykowski, s. 116, 126]. У М. Бельского хазары тоже оказались единоплеменными с русским народом («kozary, ktory tez narod Russki byl») [Bielski, s. 54]. Доверившись Степенной книге, М. Бельскому, Ф. И. Страленбергу и М. Стрыйковскому, В. Н. Татищев спорил с Г.-З. Байером, относившим хазар к тюркам, и утверждал, что хазары отличались от русских иудейской верой, но не языком [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 262, 407]. Трудно не увидеть в этом влияние Степенной книги, в которой «козары» сперва идентифицируются с дунайскими болгарями, а затем являются к Владимиру как «Жидове Казарстии» [ПСРА, с. 75]. Во мнении о славянстве хазар В. Н. Татищева укреплял и А.-Л. Имгоф, у которого историограф вычитал, что славянская письменность была изначально придумана для хазар [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 434].

В итоге у В. Н. Татищева сложилось очень своеобразное представление о хазарской истории [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 432–435]. Сначала хазары вместе с болгарями и прочими славянами перешли из Ассирии в Каппадокию и Колхиду, оттуда вместе с болгарями отправились на Дон и Волгу. Затем болгары мигрировали с Волги на Дунай. Хазары последовали за ними: «козары обсче с болгары к Днестру и Дунаю перешли, как Нестор точно сказует» [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 354] (на самом деле, «Нестор» писал только о переселении болгар). Хазары поселились по Днепру, Южному Бугу и Днестру вплоть до Дуная, за которым уже начинались болгарские владения. Помня о своем родстве, оба народа на исторической сцене выступали совместно. Так, болгары оказывали помощь хазарам против Святослава, что вызвало гнев последнего и стало еще одной причиной (помимо интриг Калокира) его нападения на Болгарию. В благодарность хазары, в свою очередь, пришли на помощь болгарам, прихватив с собой заодно касогов и ясов, которых В. Н. Татищев по созвучию помещал у города Яссы [Татищев 2016–2018, т. 7, с. 113], так что Святославу в описанном только у В. Н. Татищева Днестровском сражении понадобилось маневрировать и привлекать помощь венгров, чтобы добиться победы [Татищев 2016–2018, т. 2, с. 57]. Впоследствии, по В. Н. Татищеву, хазары были переселены на Русь, где безуспешно пытались обратить Владимира в иудаизм, а при Мономахе подверглись изгнанию [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 435].

Эта причудливая картина отображается лишь в одном-единственном «источнике» – «Истории Иоакима». Ближе всех к ней Степенная книга и труд Ф. И. Страленберга, но в них болгары и хазары – один и тот же народ, «Иоаким» же их различает. Во вселенной «Иоакима» хазары живут где-то рядом с болгарями, так что, сидя в Переяславце на Дунае, можно воевать одновременно и с теми и другими. Такая же картина нарисована и в «Истории Российской» В. Н. Татищева. У него хазары родственны болгарам (и те и другие – славяне), их города лежат на Днепре, Буге и Днестре и доходят до Дуная. Потому фразу «Истории Иоакима» о войне Святослава с Дуная одновременно на греков, болгар и хазар допустимо рассматривать как маркер, обозначающий ее настоящего автора.

Еще одной «авторской меткой» является фрагмент «Истории Иоакима», повествующий о призвании полянами «Оскольда»: «Славяне, живущие по Днепру, зовоми поляне и горяне, утесняемы бывши от хазар, иже град их Киев и протчии обладаша» и проч. [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 136]. Здесь бросается в глаза неизвестный никаким источникам этноним «горяне». Понять его происхождение помогает обращение к тем фрагментам «Истории Российской», где В. Н. Татищев пытается разъяснить легенду о посещении Руси апостолом Андреем. Прочитав в Кормчей книге и Киево-Печерском патерике, что водружение апостолом Андреем креста на «киевских горах» было «первым крещением», историограф пришел в недо-

умение: для чего было воздвигать крест на безлюдных горах и почему в этом случае составители Кормчей и Патерика писали о «первом крещении» – ведь не горам же Андрей проповедовал и не леса же он крестил? А если город там во времена Андрея уже был, то почему «Нестор» уверяет, что Киев был построен сотни лет спустя, причем не христианами, а идолопоклонниками? [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 127–128].

Для решения этого парадокса В. Н. Татищев привлек всю доступную ему литературу и пришел к выводу, что под «горами» нужно, разумеется, понимать не «пустые горы», а уже существовавший в апостольские времена город Киев. Его название – не славянское, а «сарматское» и первоначально звучало как «Киви», что и означало «Горы» или «Камень»; как пояснял В. Н. Татищев, «камень и горы едино есть, как Урал называем Поясныя горы и Великой камень, Алпские горы зовут Камень» [Татищев 2016–2018, т. 2, с. 253–254]. Поскольку В. Н. Татищев считал сарматов финским племенем, то вероятно, что поводом для такого умозаключения для него послужило финское слово *kivi*, означающее «камень». Подтверждением своей догадки В. Н. Татищев посчитал вычитанное у М. Стрыйковского сведение, что древние авторы среди обитателей северных стран указывали племя *kibi* [Strykowski, s. 44]. Кроме того, Птолемей и Плиний писали о городе «Азагориум», который, как явствует из названия, располагался «за горами», то есть за Киевом, и соответствовал Переяславу [Татищев 2016–2018, т. 2, с. 256]. Стройной теории мешала только летописная легенда Кие, освященная авторитетом Нестора, но В. Н. Татищев и тут нашел объяснение: «А Нестор, знатно из древних записок сие слово (“киви”. – Л. А.) переводя славенски, горы именовал, как то о многих городех у нас находится: например, вместо Гардорики – град великий; вместо Богард – главный град; Герсине – воробьин; Оденпе – медвежья голова и пр. именованы. Сей же град хотя Нестор ниже кладет, яко бы князем Кием построен, но оное вымышлено от незнания сего имени...» [Татищев 2016–2018, т. 2, с. 254].

Как видим, татищевская «реконструкция» была несвободна от противоречия: «Нестор» достаточно хорошо знал «сарматский» язык, чтобы перевести «Киви» как горы, но в то же время он «по незнанию сего имени» сочинил топонимическую легенду об основателя города Кие. Тем не менее В. Н. Татищев настолько был уверен в своей догадке, что привнес ее в текст своего «Лексикона» как несомненный факт: «Киев, главный город в Малой Руси, на правом берегу Днепра, ниже устья реки Десны, на горе довольно высокой, весьма древней, от славян называй Горы, а от сармат Киви, то же значит, от чего имя Киев осталось. Нестор или кто по нем, не зная произхождения имени сарматскаго, басню сложил о Кие князе с братиею, но древние римские географы имя Горы довольно знали, яко же и сам Нестор Горы именует. Но понеже нам древних гисторей не осталось, того ради о древностях онаго до Оскольда, пасынка или сына Рюрикова, ничего сказать не можем, ибо нам Нестор сего перваго князя в Киеве объявил» [Татищев 1979, с. 323].

Приведенная в словарной статье версия об Аскольде как пасынке или сыне Рюрика тоже переключается с содержанием «Истории Иоакима». Уже в ранней версии первой редакции «Истории Российской» 1739 г., от которой сохранились только переведенные на немецкий язык примечания, В. Н. Татищев высказал предположение, что дуумвират Аскольда и Дира есть плод недоразумения: на самом деле действовал только Аскольд, Дир же есть искаженное «тирар», что якобы на «сарматском» языке означает «пасынок» – Аскольд был так назван потому, что был пасынком Рюрика [Татищев 2016–2018, т. 7, с. 99]. Это предположение В. Н. Татищев привел и в примечаниях к окончательной версии первой редакции (1746 г.) – по-прежнему в виде догадки [Татищев 2016–2018, т. 4, с. 523]. Во второй редакции историограф уже смог подкрепить свой домысел ссылкой на источник: «Оскольд и Дир хотя два человека, однако

ж Иоаким одинаго именовал, и по всем обстоятельствам видно един был...» [Татищев 2016–2018, т. 2, с. 262]. В подновленной версии – опять-таки в полном согласии с «Историей Иоакима» – Аскольд представлен уже сыном Рюрика, пасынком же он был по отношению к одной из жен Рюрика, которую «Иоаким» именовал Ефандой.

Соответствие «иоакимовской» родословной Аскольда татищевским ожиданиям – не единственный случай, когда обретенный В. Н. Татищевым при таинственных обстоятельствах источник полностью подтверждал его ранее высказанные догадки. Целый ряд такого рода «совпадений» отметил в своей монографии А. П. Толочко: предположения В. Н. Татищева о существовании летописания до «Нестора», о крещении Аскольда и его мученичестве за веру («Иоаким» прямо именовал его «блаженным»), о том, что Олег Вещий был шурином Рюрика, о том, что Ольга происходила из Изборска и была от рода Гостомысла, что упоминаемый в договоре 944 г. Улеб или Глеб – это брат Святослава, о родственных связях Рюрика с Гостомыслом, об обстоятельствах Владимирова крещения, о супругах и детях Владимира и др. – все это нашло отражение в «Истории Иоакима» [Толочко, с. 224–233]. Не менее показательны татищевские гипотезы о древнем названии славян «алазоны» или «амазоны», о причинах возникновения легенды об апостольской проповеди на Руси, о финском происхождении варягов-русов, тоже нашедшие недвусмысленные подтверждения в «тетрадах Мельхиседека Борщова» [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 133, 137, 143; т. 4, с. 59–60, 98–99, 107–108].

Этноним «горяне» в «Истории Иоакима» выполняет ту же функцию – он подтверждает татищевскую версию о происхождении названия Киева от слова «горы», впервые записанную им не позднее 1746 г., то есть минимум за два года до получения «тетрадей Мельхиседека Борщова». Характерно, что «Иоаким» не знает легенды об основании города Кием, Щеком, Хоривом и сестрой их Лыбедью, что опять-таки соответствует предположению В. Н. Татищева, считавшего эту легенду следствием неверной интерпретации «сарматского» названия Киева.

Таким образом, В. Н. Татищев является едва ли не единственным среди всех когда-либо живших на Земле историков, чуть ли не все предположения которого под конец его жизни получили подтверждение в открытом им же самим уникальном источнике. Подобная феноменальная удачливость сама по себе не может не наводить на размышления. А с учетом таких «авторских меток», как нарочитое отрицание В. Н. Татищевым своей осведомленности о «долгой стене», дунайско-днепровская локализация хазар и термин «горяне» по отношению к полянам и жителям Киева, принадлежность «Истории Иоакима» перу В. Н. Татищева следует признать высоковероятной.

Источники

- ПСРА. СПб., 1908. Т. 21. Ч. 1. VII, 342 с. разд. паг.
Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. 464 с.
Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. М., 2016. Т. 1. 703 с.; М., 2016. Т. 2. 461 с.; М., 2017. Т. 4. 733 с.; М., 2018. Т. 7. 579 с.
Bielski M. Kronika polska, Kraków, 1597. 804 s.
Kromer M. Kronika Polska. Krakow, 1882. Т. 1. 771 s.
Strykowski M. Kronika polska litewska, żmódzka y wszystkiej Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej. Królewiec, 1582. [16] k., 790 s., [10] k.

Литература

- Азбелев С. Н. Фиаско историка, игнорировавшего данные археологии // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2008. Вып. 22. С. 217–226.

- Голубинский Е. Е. О так называемой Иоакимовской летописи Татищева // Творения святых отцов в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии. М., 1881. Кн. 4. Прибавления. С. 602–640.
- Горовенко А. В. Рассказ Иоакимовской летописи о крещении новгородцев: могут ли данные археологии опровергнуть текстологические выводы? // *Valla*. 2018. Т. 4. № 5. С. 1–16.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. Изд. 5-е. СПб., 1842. Кн. 1. 940 с.
- Конча С. В. Исследования о летописи Иоакима // Труды Первой Международной конференции «Начала русского мира», состоявшейся 28–30 октября 2010 г. СПб., 2011. С. 146–165.
- Моргайло В. М. Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 260–268.
- Пекарский П. [П.] Новые известия о Василии Никитиче Татищеве. СПб., 1864. 66 с., 1 л. портр., факс.
- Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009. 341 с.
- Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. М., 1988. Кн. 1. Т. 1–2. 765 с.
- Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. 384 с.
- Толочко А. П. История Российская Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. 544 с.
- Шамбинаго С. К. Иоакимовская летопись // ИЗ. М., 1947. Т. 21. С. 254–270.
- Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. Т. 332. Ноябрь. С. 135–200.
- Щербатов М. М. Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю, в оправдание на некоторые сокрытыя и явныя охуления, учиненныя его Истории от господина генерал-майора Болгина, творца Примечаний на Историю древняя и нынешняя России, г. Леклерка. М., 1789. 149, [3] с.
- Янин В. А. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город: Исследования и материалы. М., 1984. Вып. 7. С. 40–56.
- Crow J., Ricci A. Investigating the Hinterland of Constantinople: An Interim Report on the Anastasian Long Wall // *Journal of Roman Archaeology*. 1997. Vol. 10. P. 235–262.
- Gorlin M. La Chronique de Joachim // *Revue des études slaves*. 1939. T. 19. Fascicule 1–2. P. 40–51.
- Lavrov A. Vasilij Tatiščev, “Mabillon russe” ou mystificateur? La Chronique de Joachim dans l’Histoire de Russie (v. 1748–1750) // *Écrire et réécrire l’histoire russe d’Ivan Terrible à Vasilij Ključevskij (1547–1917)*, publié sous la direction de P. Gonnet et E. Rai. Paris, 2013. P. 77–88.
- Schlözer A. L. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer. Göttingen, 1802. Teil 1. XLVIII, 664 S.
- Strahlenberg P. J. von. Das Nord- und ostliche Theil von Europa und Asia... Stockholm, 1730. [16], 342, [22] S.

References

- Azbelev, S. N. Fiasko istorika, ignorirovavshego dannye arkheologii. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya: Istoriya i arkheologiya*. Velikii Novgorod, 2008. Iss. 22. Pp. 217–226. (In Russ.)
- Crow, J., Ricci, A. Investigating the Hinterland of Constantinople: An Interim Report on the Anastasian Long Wall. In *Journal of Roman Archaeology*. 1997. Vol. 10. Pp. 235–262.
- Golubinskii, E. E. O tak nazyvaemoi Ioakimovskoi letopisi Tatiščeva. In *Tvoreniya svyatykh ottsov v russkom perevode, izdavaemye pri Moskovskoi dukhovnoi akademii*. Moscow, 1881. Book 4. Pribavleniya. Pp. 602–640. (In Russ.)
- Gorlin, M. La Chronique de Joachim. In *Revue des études slaves*. 1939. T. 19. Fascicule 1–2. Pp. 40–51.
- Gorovenko, A. V. Rasskaz Ioakimovskoi letopisi o kreshchenii novgorodtsev: mogut li dannye arkheologii oprovergnut’ tekstologicheskie vyvody? In *Valla*. 2018. Vol. 4. No. 5. Pp. 1–16.
- Karamzin, N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Ed. 5. Saint Petersburg, 1842. Book 1. 940 p. (In Russ.)
- Koncha, S. V. Issledovaniya o letopisi Ioakima. In *Trudy Pervoi Mezhdunarodnoi konferentsii “Nachala russkogo mira”*, sostoyavsheysya 28–30 oktyabrya 2010 g. Saint Petersburg, 2011. Pp. 146–165. (In Russ.)
- Lavrov, A. Vasilij Tatiščev, “Mabillon russe” ou mystificateur? La Chronique de Joachim dans l’Histoire de Russie (v. 1748–1750). In *Écrire et réécrire l’histoire russe d’Ivan Terrible à Vasilij Ključevskij (1547–1917)*, publié sous la direction de P. Gonnet et E. Rai. Paris, 2013. Pp. 77–88.

- Morgailo, V. M. Rabota V. N. Tatishcheva nad tekstom Ioakimovskoi letopisi. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1962 god.* Moscow, 1963. Pp. 260–268. (In Russ.)
- Pekarskii, P. [P.] Novye izvestiya o Vasiliu Nikitiche Tatishcheve. Saint Petersburg, 1864. 66 p., 1 l. of portr., facs. (In Russ.)
- Schlözer, A. L. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer. Göttingen, 1802. Teil 1. XLVIII, 664 S.
- Shakhmatov, A. A. Obshcherusskie letopisnye svody XIV i XV vv. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.* 1900. Vol. 332. November. Pp. 135–200. (In Russ.)
- Shambinago, S. K. Ioakimovskaya letopis'. In *Istoricheskie zapiski.* Moscow, 1947. Vol. 21. Pp. 254–270. (In Russ.)
- Shcherbatov, M. M. Pis'mo knyazya Shcherbatova, sochinitelya Rossiiskoi istorii, k odnomu ego priyatelyu, v opravdanie na nekotoryyya sokrytyyya i yavnyyya okhuleniyya, uchinennyya ego Istorii ot gospodina general-maiora Boltina, tvortsa Primechanii na Istoriyu drevniya i nyneshniya Rossii, g. Leklerka. Moscow, 1789. 149, [3] p. (In Russ.)
- Solov'ev, S. M. Sochineniya: V 18 kn. Moscow, 1988. Book 1. Vol. 1–2. 765 p. (In Russ.)
- Strahlenberg, P. J. von. Das Nord- und ostliche Theil von Europa und Asia... Stockholm, 1730. [16], 342, [22] S.
- Sverdlov, M. B. Vasiliu Nikitich Tatishchev – avtor i redaktor “Istorii Rossiiskoi”. Saint Petersburg, 2009. 341 p. (In Russ.)
- Tikhomirov, M. N. Russkoe letopisanie. Moscow, 1979. 384 p. (In Russ.)
- Tolochko, A. P. Istoriya Rossiiskaya Vasiliya Tatishcheva: istochniki i izvestiya. Moscow; Kiev, 2005. 544 p. (In Russ.)
- Yanin, V. L. Letopisnye rasskazy o kreshchenii novgorodtsev (o vozmozhnom istochnike Ioakimovskoi letopisi). In *Russkii gorod: Issledovaniya i materialy.* Moscow, 1984. Iss. 7. Pp. 40–56. (In Russ.)

Leonid N. Aryayev
Independent researcher, Germany

ON THE QUESTION OF THE AUTHORSHIP OF THE “JOACHIM CHRONICLE”

There are fragments in Joachim Chronicle that make it very likely that it was the work by V. N. Tatishchev: 1) V. N. Tatishchev's deliberate ignorance of the Anastasius Wall (Thrace Wall); 2) the location of the Khazars between the Danube and the Dnieper; 3) the name “Gorjane” in reference to eastern Polans.

Keywords: V. N. Tatishchev, “Joachim Chronicle”, “History of Russia”